Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ.

Пишущему эти строки пришлось сѣдзовать объ А. П. Чеховѣ съ очень близкимъ ему человѣкомъ, многіе годы жившимъ съ нимъ вмѣстѣ. Бесѣда перескакивала съ предмета на предметъ. Хотѣлось въ теченіе одного часа разспросить обо всемъ, задать множество вопросовъ, касающихся самыхъ различныхъ сторонъ жизни А. П., хотѣлось жить въ разговорѣ его незабвенный обликъ. И чѣмъ дальше шла бесѣда, тѣмъ ясне становилось, что можно говорить о Чеховѣ дни и ночи, и все же останутся не освѣщенными нѣкоторыя стороны его многогранной личности.

Мы коснулись вопроса о друзьяхъ Чехова. Какъ извѣстно, онъ былъ человѣкъ очень замкнутый и, сколько выясняется, о его письмахъ и воспоминаніяхъ о немъ, всего себя не открывалъ никому.

— Съ семьей своей А. П. былъ очень друженъ, — говоритъ нашъ собесѣдникъ. —Особенно близки были ему его сестра Марья Павловна и братъ Михаилъ Павловичъ, съ которыми онъ много лѣтъ жилъ вмѣстѣ. Комната А. П., гдѣ бы Чеховы ни жили, всегда была бокъ-о-бокъ съ комнатой Михаила Павловича. Антонъ Павловичъ очень любилъ, уже улегшись въ постель, стукомъ въ стѣну извѣщать брата, что ему хочется съ нимъ поговорить. И начиналась бесѣда черезъ стѣну въ полуосвѣщенныхъ комнатахъ, освѣщенныхъ только лампадами. Обязанность зажигать лампадки почему-то всегда лежала на Михаилѣ Павловичѣ, и онъ, уже взрослымъ человѣкомъ, къ вечеру ежедневно взбирался на стулъ и зажигалъ лампадки у себя и въ комнатѣ Антона Павловича, который безъ лампадки и въ постель не ложился.

О чемъ же бесѣдовали братья?

Обо всемъ, о чемъ Антону Павловичу случалось думать за день. Когда братъ его кончалъ университетъ, Антонъ Павловичъ интересовался юридическими науками и читалъ его лекціи. Ночью онъ подвергалъ критикѣ наше уголовное право и пенитенціарную систему. Онъ не могъ понять, почему за такое-то преступленіе положено 20 лѣтъ каторги, а не пятнадцать или семнадцать. Чѣмъ руководился законодатель? Какія были у него соображенія? Онъ считалъ нормы пенитенціарной системы произвольно установленными, и никакъ не могъ съ ними согласиться. Какъ человѣкъ глубоко гуманный, А. П. вообще не могъ примириться съ уголовной репрессіей. „Сказать, —говаривалъ онъ, — преступника въ каторгу, имѣ больше дѣла нѣтъ до человѣка, какъ-будто онъ и не человѣкъ, а собака".

Именно эти размышленія послужили главнымъ толчкомъ, заставившимъ Чехова предпринять поѣздку на Сахалинъ. Онъ хотѣлъ своими глазами видѣть, что происходитъ дальше съ человѣкомъ, котораго засудили „какъ собаку" и выбросили за бортъ человѣческаго общенія.

Единственная форма суда, которую признавалъ Чеховъ, былъ судъ присяжныхъ, и онъ очень любилъ, когда его избирали присяжнымъ засѣдателемъ. Его всегда въ такихъ случаяхъ избирали старшиной, и онъ ревностно относился къ своимъ обязанностямъ. Возвращалось домой, Антонъ Павловичъ во всѣхъ подробностяхъ разсказывалъ домашнимъ, что происходило на судѣ. Особенно восхищали его помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Они часто выступали безъ гонорара, и Антону Павловичу нравилось ихъ горячее отношеніе къ дѣлу, ихъ настойчивое стремленіе оправдать подсудимаго. Старшина присяжныхъ засѣдателей былъ всегда на сторонѣ защитниковъ.

Горячо сочувствовалъ Антонъ Павловичъ всякаго рода административно-сосланнымъ, и часто случалось, что совсѣмъ незнакомымъ людямъ, о высылкѣ которыхъ онъ узнавалъ, Антонъ Павловичъ спѣшилъ послать телеграмму съ вопросомъ, не нужно ли ему чего-нибудь, не помочь ли ему.

Не нужно забывать при этомъ, что самъ Антонъ Павловичъ почти всю жизнь жестоко нуждался. Онъ не умѣлъ отстаивать своихъ интересовъ, никогда не назначалъ самъ гонорара за свои разсказы, чѣмъ издатели всегда и пользовались, платя ему гроши и задерживая и безъ того скудный заработокъ. Когда уже очень круто приходилось, Антонъ Павловичъ, въ видѣ послѣдняго довода, говорилъ издателю: „У меня же семья", — и получалъ нѣсколько задержанныхъ рублей.

„Культурникъ" другомъ Антона Павловича, — какъ выразился нашъ собесѣдникъ, — былъ А. С. Суворинъ. Можно сказать, что онъ былъ наиболѣе близокъ къ Чехову, что съ нимъ Чеховъ велъ наиболѣе глубоко затрагивавшіе его разговоры, ему писалъ письма, въ которыхъ особенно широко открывалъ дверь въ свою замкнутую душу. Тайникомъ своей души, впрочемъ, А. П. не открывалъ никому, и найденный въ его бумагахъ его дневникъ занимаетъ всего пять страницъ. „Онъ не довѣрялъ бумагѣ, — говоритъ нашъ собесѣдникъ, — не довѣрялъ даже стѣнамъ".

Какъ случилось, что Чеховъ такъ близко сошелся съ Суворинымъ? Развѣ онъ не видѣлъ съ первыхъ же минутъ знакомства, кто такой Суворинъ, и что такое „Новое Время"?

— Цѣну „Нов. Времени" Антонъ Павловичъ, конечно, зналъ всегда, — отвѣтилъ намъ на наши недоумѣнные вопросы нашъ собесѣдникъ, — но онъ никогда не смѣшивалъ Суворина съ его органомъ. Знакомство произошло слѣдующимъ образомъ. Когда Чеховъ послалъ въ „Новое Время" свой разсказъ „Панихиду", Суворинъ уже черезъ нѣсколько дней по напечатаніи разсказа въ „Новомъ Времени" пріѣхалъ въ Москву спеціально для того, чтобы познакомиться съ А. П., и на всю семью Чеховыхъ произвелъ самое лучшее впечатлѣніе. Завязалось знакомство и переписка. Антонъ Павловичъ цѣнилъ Суворина, какъ очень добраго человѣка, помогавшаго многимъ нуждавшимся лицамъ. Онъ былъ ему интересенъ, какъ собесѣдникъ. И, презирая „Новое Время", Антонъ Павловичъ любилъ Суворина. Они часто спорили о принципіальныхъ вопросахъ, но широко-гуманный Антонъ Павловичъ, не признававшій никакого насилія, былъ сторонникомъ полной свободы убѣжденій, поскольку они не угрожали кому бы то ни было какимъ бы то ни было насиліемъ. И разошелся онъ съ Суворинымъ тогда, когда его убѣжденія, какъ ему казалось, могли превратиться въ жизни именно въ насиліе. Это было во время процесса Дрейфуса. Тяжко уже больного Антона Павловича поразилъ въ Нидѣ Суворинъ. На Антона Павловича произвело удручающее впечатлѣніе, что здоровый, сытый, свободный человѣкъ защищаетъ палачей Дрейфуса, не предоставляя себѣ страданій этого человѣка, приговореннаго къ Чортову острову. Онъ видѣлъ Сахалинъ, видѣлъ каторжниковъ и зналъ, что это такое. Антонъ Павловичъ не могъ примириться съ этимъ настроеніемъ Суворина, и охладѣлъ къ нему.

Несмотря на свое отношеніе къ „Новому Времени", Антонъ Павловичъ находилъ возможнымъ печататься въ немъ, подходя къ этому вопросу съ чисто дѣловой точки зрѣнія. Онъ считалъ, что органъ не играетъ роли для беллетриста. Искусство свободно, какъ вѣтеръ. Писателю нужно имѣть кругъ читателей. А кто дастъ ему этотъ кругъ — это уже дѣло торговое, и къ принципіальнымъ взглядамъ никакого отношенія не имѣющее.

Не будучи націоналистомъ, Антонъ Павловичъ былъ патріотомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ передалъ намъ нашъ собесѣдникъ. Къ Чеховымъ пріѣхалъ какъ-то извѣстный французскій писатель Жюль-де-Гра. Въ разговорѣ Михаилъ Павловичъ коснулся внутреннихъ россійскихъ непорядковъ. Когда онъ ушелъ, Антонъ Павловичъ осыпалъ брата градомъ упрековъ, говоря, что нельзя разсказывать иностранцу о своихъ домашнихъ дѣлахъ, что это непатріотично. И въ то же время ему случалось нерѣдко упрекать Михаила Павловича, находившагося въ то время на службѣ, въ излишнемъ пристрастіи къ бюрократизму, котораго А. П. не переносилъ. Мечтой Антона Павловича была „конституція", и ходячей его фразой было, что „черезъ 10 лѣтъ будетъ у насъ конституція".

Основой міросозерцанія Антона Павловича, по словамъ нашего собесѣдника, была вѣра въ прогрессъ человѣчества и, отсюда, уваженіе къ дѣлу, какъ таковому. Не разъ случалось ему высказывать мысль, что для человѣчества гораздо болѣе цѣненъ какой-нибудь инженеръ, пьяница и развратникъ, который проведетъ лѣтку желѣзной дороги, чѣмъ подвижникъ, въ ротъ не берущій хмельного. Самъ онъ много работалъ во всякаго рода общественныхъ дѣлахъ, подчасъ не имѣя даже къ нимъ склонности. Не любя медицину, какъ профессію, онъ тѣмъ не менѣе постоянно лечилъ всѣхъ деревенскихъ бабъ, такъ какъ сознавалъ необходимость медицинской помощи именно въ деревнѣ. На пріемѣ у него, когда онъ былъ земскимъ врачемъ въ Звенигородѣ, бывало иной разъ по восемьдесятъ больныхъ. Тонкій психологъ, онъ умѣлъ такъ ставить вопросы, что діагнозъ болѣзни сразу становился яснымъ. И когда баба начинала подробно разсказывать, что съ ней случилось на Святой, да что на Фоминой, то Антонъ Павловичъ прерывалъ ее: „Баба, баба, не канитель. Что было на Фоминой, меня не касается, а вотъ скажи, болитъ ли у тебя тамъ-то и тамъ-то".

Точно поставленный вопросъ, заключавшій въ себѣ основной признакъ предполагаемой болѣзни, сразу освѣщалъ положеніе. Такъ разговаривалъ А. П. и со своими родными, въ случаѣ ихъ жалобъ на нездоровье.

Свое писательство Антонъ Павловичъ любилъ; онъ не могъ жить, по словамъ нашего собесѣдника, не обдумывая какого-нибудь разсказа. У него на столѣ всегда можно было найти листъ бумаги съ начатымъ разсказомъ. Кто хотѣлъ, могъ читать написанное. Когда пріѣзжалъ братъ Иванъ Павловичъ, онъ всегда отыскивалъ новые разсказы Антона Павловича, и читалъ ихъ вслухъ всей семьѣ. При этомъ Антонъ Павловичъ самъ разхаживалъ по комнатѣ, улыбался, а въ смѣшныхъ мѣстахъ весело хохоталъ. Нѣкоторыя свои вещи онъ особенно любилъ и цѣнилъ. Любопытный эпизодъ произошелъ однажды, когда онъ написалъ извѣстный разсказъ о мальчикѣ, написавшемъ письмо „къ дѣдушкѣ на деревню". А. П. далъ его прочесть брату Михаилу Павловичу. Тому показалось, что разсказъ недуренъ, но что Антонъ Павловичъ могъ бы написать что-нибудь позначительнѣе. Антонъ Павловичъ выслушалъ приговоръ брата и, улыбнувшись, сказалъ: „Ты ничего не понимаешь". Потомъ, когда разсказъ былъ напечатанъ и появились восторженные отзывы о немъ, Антонъ Павловичъ снова подошелъ къ брату и сказалъ ему: „Ей-Богу же, ты ничего не понялъ".

Беллетристику А. П. считалъ „святымъ дѣломъ". Драмы же писать не любилъ, но считалъ это выгоднымъ матеріаломъ. Нашъ собесѣдникъ утверждаетъ, что Антонъ Павловичъ не любилъ и театра, считая театръ вообще уже отжившимъ свой вѣкъ. И только Художественный театръ интересовалъ его своими исканіями. Между тѣмъ, у себя дома Антонъ Павловичъ ничего такъ не любилъ, какъ изображать всякаго рода сцены. Особенно шумно и весело бывало въ домѣ у Чеховыхъ, когда пріѣзжали Леонтовичъ и г-жа Мизинова (теперь жена режиссера Художественнаго театра, Санина), съ письмами А. П. къ которой насъ познакомилъ четвертый томъ переписки. Тогда въ домѣ поднималась суматоха. Всѣ переодѣвались и изображали цѣлыя сценки подъ несмолкаемый хохотъ всѣхъ присутствовавшихъ. А таковыхъ въ домѣ Чеховыхъ всегда бывало много. Одно время Чеховы занимали въ Москвѣ квартиру, въ которой Антонъ Павловичъ помѣщался внизу, а гости собирались наверху. Пѣніе, музыка, пляска доносились сверху, и Антонъ Павловичъ съ трудомъ удерживался за своимъ письменнымъ столомъ. Григоровичъ, иногда гостившій у него, потомъ часто вспоминалъ о той „вакханаліи", которая происходила въ домѣ Чеховыхъ.

„У Чеховыхъ всегда бывало весело и оживленно", — разсказываетъ нашъ собесѣдникъ.

Конечно, центромъ общаго веселья всегда бывалъ Антонъ Павловичъ, съ его неистощимой выдумкой и богатымъ воображеніемъ. Юмористическимъ импровизаціямъ Антона Павловича не было конца. Онъ всегда могъ разсказать какую-нибудь удивительную исторію. Но обидно всего, что все это пропало безслѣдно. Никто никогда не записывалъ разсказовъ Антона Павловича. А собесѣдникъ нашъ утверждаетъ, что свои импровизаціи Антонъ Павловичъ никогда не претворялъ въ разсказы. Содержаніе разсказовъ черпалось имъ какихъ-то другихъ источниковъ неисчерпаемаго воображенія писателя.

Нашъ собесѣдникъ считаетъ ошибкой, что многіе писатели, восторгавшіеся талантомъ Чехова, настаивали, чтобы онъ писалъ романъ. Подъ ихъ вліяніемъ онъ собирался написать большое произведеніе, но изъ этого ничего не вышло, отчасти потому, что у Антона Павловича никогда не было для этого времени, но скорѣе отъ того, что склонности къ этому, какъ думаетъ нашъ собесѣдникъ, у Антона Павловича въ дѣйствительности не было. Разсказы же онъ писалъ буквально на ходу. Между первымъ и вторымъ блюдомъ увѣтъ бывало изъ-за стола и напишетъ нѣсколько строкъ у себя въ кабинетѣ. „Вотъ и заработалъ шестьдесятъ копеекъ", — заявлялъ онъ, возвращаясь къ столу.

Антонъ Павловичъ былъ кумиромъ всей семьи. Мать не могла на него надышаться. Желаніе Антона Павловича было для нея законъ, и въ той сферѣ, какая была для нея доступна, она всячески старалась доставить удовольствіе любимому сыну. Стоило Антону Павловичу войти въ столовую и взглянуть на часы, какъ старушка начинала суетиться и мигомъ собирала на столъ любимыя кушанья Антона Павловича. Зато же и онъ баловалъ ее, лаская своимъ неистощимымъ юморомъ и веселымъ смѣшкомъ.

О. В—нъ.